

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

5

детская

■ 2016 (203)

6+

ИМЕНА:
Алексей Маресьев

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
Самый театральный фонтан

Леонид
Пантелеев
**Честное
слово**

ISSN 1684-0895
9 771684 089001 >

В. И. Переславец. «Воздушный бой. Один против двадцати»

Константин СИМОНОВ

* * *

Всю жизнь любил он рисовать войну.
Беззвездной ночью наскочив на мину,
Он вместе с кораблём пошёл ко дну,
Не дописав последнюю картину.

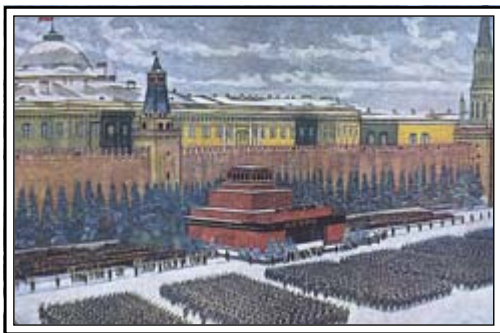
Всю жизнь лечиться люди шли к нему,
Всю жизнь он смерть преследовал жестоко
И умер, сам привив себе чуму,
Последний опыт кончив раньше срока.

Всю жизнь привык он пробовать сердца.
Начав ещё мальчишкой с «нюпорра»,
Он в сорок лет разбился, до конца
Не испытал последнего мотора.

Никак не можем помириться с тем,
Что люди умирают не в постели,
Что гибнут вдруг, не дописав поэм,
Не долечив, не долетев до цели.

Как будто есть последние дела,
Как будто можно, кончив все заботы,
В кругу семьи усесться у стола
И отдыхать под старость от работы...

1939 год

К. Юон
Парад на Красной площади
7 ноября 1941 года
1942 г.

В номере:

3

Леонид Пантелеев

Честное слово. Камилл и учитель. Буква «Ты»

13

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

Подвиг на все времена

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Даниил Санкин

Художники в годы Великой Отечественной войны

21

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Самый театральный фонтан

22

РАССКАЗЫ

Юрий Пусов

Рассказы-горошины

24

УГОЛОК РОССИИ

Олег Трушин

Край света Камчатка: В царстве бурых медведей

28

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Павел Гусев

Добрая бабушка

29

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Иванов

Берег листригонов

33

УМЕЛЫЕ РУКИ

Фронтной треугольник

34

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

Пётр Глядков

Интернет: что это такое

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рошина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Генеральный директор
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела
продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 1413

© «Роман-газета», 2016 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Леонид Пантелеев

Честное слово

Художник Б. Мишин

Мне очень жаль, что я не могу вам сказать, как зовут этого маленького человека, и где он живет, и кто его папа и мама. В потемках я даже не успел как следует разглядеть его лицо. Я только помню, что нос у него был в веснушках и что штанишки у него были коротенькие и держались не на ремешке, а на таких ляпочках, которые перекидываются через плечи и застегиваются где-то на животе.

Как-то летом я зашел в садик, — я не знаю, как он называется, на Васильевском острове, около белой церкви. Была у меня с собой интересная книга, я засиделся, зачитался и не заметил, как наступил вечер.

Когда в глазах у меня зарябило и читать стало совсем трудно, я захлопнул книгу, поднялся и пошел к выходу.

Сад уже опустел, на улицах мелькали огоньки, и где-то за деревьями звенел колокольчик сторожа.

Я боялся, что сад закроется, и шел очень быстро. Вдруг я остановился. Мне

послышалось, что где-то в стороне, за кустами, кто-то плачет.

Я свернул на боковую дорожку — там белел в темноте небольшой каменный домик, какие бывают во всех городских садах; какая-то будка или сторожка. А около её стены стоял маленький мальчик лет семи или восьми и, опустив голову, громко и безутешно плакал.

Я подошел и окликнул его:

— Эй, что с тобой, мальчик?

Он сразу, как по команде, перестал плакать, поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

— Ничего.

— Как это ничего? Тебя кто обидел?

— Никто.

— Так чего ж ты плачешь?

Ему ещё трудно было говорить, он ещё не проглотил всех слез, ещё всхлипывал, икал, шмыгал носом.

— Давай пошли, — сказал я ему. — Смотри, уже поздно, уже сад закрывается.

И я хотел взять мальчика за руку. Но мальчик поспешно отдернул руку и сказал:

- Не могу.
- Что не можешь?
- Идти не могу.
- Как? Почему? Что с тобой?
- Ничего, — сказал мальчик.
- Ты что — нездоров?
- Нет, — сказал он, — здоров.
- Так почему ж ты идти не можешь?
- Я — часовой, — сказал он.
- Как часовой? Какой часовой?
- Ну, что вы — не понимаете? Мы играем.

— Да с кем же ты играешь?

Мальчик помолчал, вздохнул и сказал:

— Не знаю.

Тут я, признаться, подумал, что, наверно, мальчик все-таки болен и что у него голова не в порядке.

— Послушай, — сказал я ему. — Что ты говоришь? Как же это так? Играешь и не знаешь — с кем?

— Да, — сказал мальчик. — Не знаю. Я на скамейке сидел, а тут какие-то большие ребята подходят и говорят: «Хочешь играть в войну?» Я говорю: «Хочу». Стали играть, мне говорят: «Ты сержант». Один большой мальчик... он маршал был... он привел меня сюда и говорит: «Тут у нас пороховой склад — в этой будке. А ты будешь часовой... Стой здесь, пока я тебя не сменю». Я говорю: «Хорошо». А он говорит: «Дай честное слово, что не уйдешь».

— Ну?

— Ну, я и сказал: «Честное слово — не уйду».

— Ну и что?

— Ну и вот. Стою-стою, а они не идут.

— Так, — улыбнулся я. — А давно они тебя сюда поставили?

— Еще светло было.

— Так где же они?

Мальчик опять тяжело вздохнул и сказал:

— Я думаю, — они ушли.

— Как ушли?

— Забыли.

— Так чего ж ты тогда стоишь?

— Я честное слово сказал...

Я уже хотел засмеяться, но потом спохватился и подумал, что смешного тут ничего нет и что мальчик совершенно прав. Если дал честное слово, так надо

стоять, что бы ни случилось — хоть лопни. А игра это или не игра — все равно.

— Вот так история получилась! — сказал я ему. — Что же ты будешь делать?

— Не знаю, — сказал мальчик и опять заплакал.

Мне очень хотелось ему как-нибудь помочь. Но что я мог сделать? Идти искать этих глупых мальчишек, которые поставили его на караул взяли с него честное слово, а сами убежали домой? Да где ж их сейчас найдешь, этих мальчишек?..

Они уже небось поужинали и спать легли, и десятые сны видят.

А человек на часах стоит. В темноте. И голодный небось...

— Ты, наверно, есть хочешь? — спросил я у него.

— Да, — сказал он, — хочу.

— Ну, вот что, — сказал я, подумав. — Ты беги домой, поужинай, а я пока за тебя постою тут.

— Да, — сказал мальчик. — А это можно разве?

— Почему же нельзя?

— Вы же не военный.

Я почесал затылок и сказал:

— Правильно. Ничего не выйдет. Я даже не могу тебя снять с караула. Это может сделать только военный, только начальник...

И тут мне вдруг в голову пришла счастливая мысль. Я подумал, что если освободить мальчика от честного слова, снять его с караула может только военный, так в чем же дело? Надо, значит, идти искать военного.

Я ничего не сказал мальчику, только сказал: «Подожди минутку», — а сам, не теряя времени, побежал к выходу...

Ворота ещё не были закрыты, ещё сторож ходил где-то в самых дальних уголках сада и дозванивал там в свой колокольчик.

Я стал у ворот и долго поджидал, не пройдет ли мимо какой-нибудь лейтенант или хотя бы рядовой красноармеец. Но, как назло, ни один военный не показывался на улице. Вот было мелькнули на другой стороне улицы какие-то черные шинели, я обрадовался, подумал, что это военные моряки, перебежал улицу и увидел, что это не моряки, а мальчишки-ремесленники. Прошел высокий железнодорожник в очень кра-

сивой шинели с зелеными нашивками. Но и железнодорожник с его замечательной шинелью мне тоже был в эту минуту ни к чему.

Я уже хотел несолоно хлебавши возвращаться в сад, как вдруг увидел — за углом, на трамвайной остановке — защитную командирскую фуражку с синим кавалерийским околышем. Кажется, ещё никогда в жизни я так не радовался, как обрадовался в эту минуту. Сломая голову я побежал к остановке. И вдруг, не успев добежать, вижу — к остановке подходит трамвай, и командир, молодой кавалерийский майор, вместе с остальной публикой собирается протискиваться в вагон.

Запахавшись, я подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

— Товарищ майор! Минуточку! Подождите! Товарищ майор!

Он оглянулся, с удивлением на меня посмотрел и сказал:

— В чем дело?

— Видите ли, в чем дело, — сказал я. — Тут, в саду, около каменной будки, на часах стоит мальчик... Он не может уйти, он дал честное слово... Он очень маленький... Он плачет...

Командир захлопал глазами и посмотрел на меня с испугом. Наверное, он тоже подумал, что я болен и что у меня голова не в порядке.

— При чем же тут я? — сказал он.

Трамвай его ушел, и он смотрел на меня очень сердито.

Но когда я немножко подробнее объяснил ему, в чем дело, он не стал раздумывать, а сразу сказал:

— Идемте, идемте. Конечно. Что же вы мне сразу не сказали?

Когда мы подошли к саду, сторож как раз вешал на воротах замок. Я попросил его несколько минут подождать, сказал, что в саду у меня остался мальчик, и мы с майором побежали в глубину сада.

В темноте мы с трудом отыскивали белый домик. Мальчик стоял на том же месте, где я его оставил, и опять — но на этот раз очень тихо — плакал. Я окликнул его. Он обрадовался, даже вскрикнул от радости, а я сказал:

— Ну, вот, я привел начальника.

Увидев командира, мальчик как-то весь выпрямился, вытянулся и стал на несколько сантиметров выше.

— Товарищ караульный, — сказал командир. — Какое вы носите звание?

— Я — сержант, — сказал мальчик.

— Товарищ сержант, приказываю оставить вверенный вам пост.

Мальчик помолчал, посопел носом и сказал:

— А у вас какое звание? Я не вижу, сколько у вас звездочек...

— Я — майор, — сказал командир.

И тогда мальчик приложил руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и сказал:

— Есть, товарищ майор. Приказано оставить пост.

И сказал это он так звонко и так ловко, что мы оба не выдержали и расхохотались.

И мальчик тоже весело и с облегчением засмеялся.

Не успели мы втроем выйти из сада, как за нами хлопнули ворота и сторож несколько раз повернул в скважине ключ.

Майор протянул мальчику руку.

— Молодец, товарищ сержант, — сказал он. — Из тебя выйдет настоящий воин. До свидания.

Мальчик что-то пробормотал и сказал: «До свиданья».

А майор отдал нам обоим честь и, увидев, что опять подходит его трамвай, побежал к остановке.

Я тоже попрощался с мальчиком и пожал ему руку.

— Может быть, тебя проводить? — спросил я у него.

— Нет, я близко живу. Я не боюсь, — сказал мальчик.

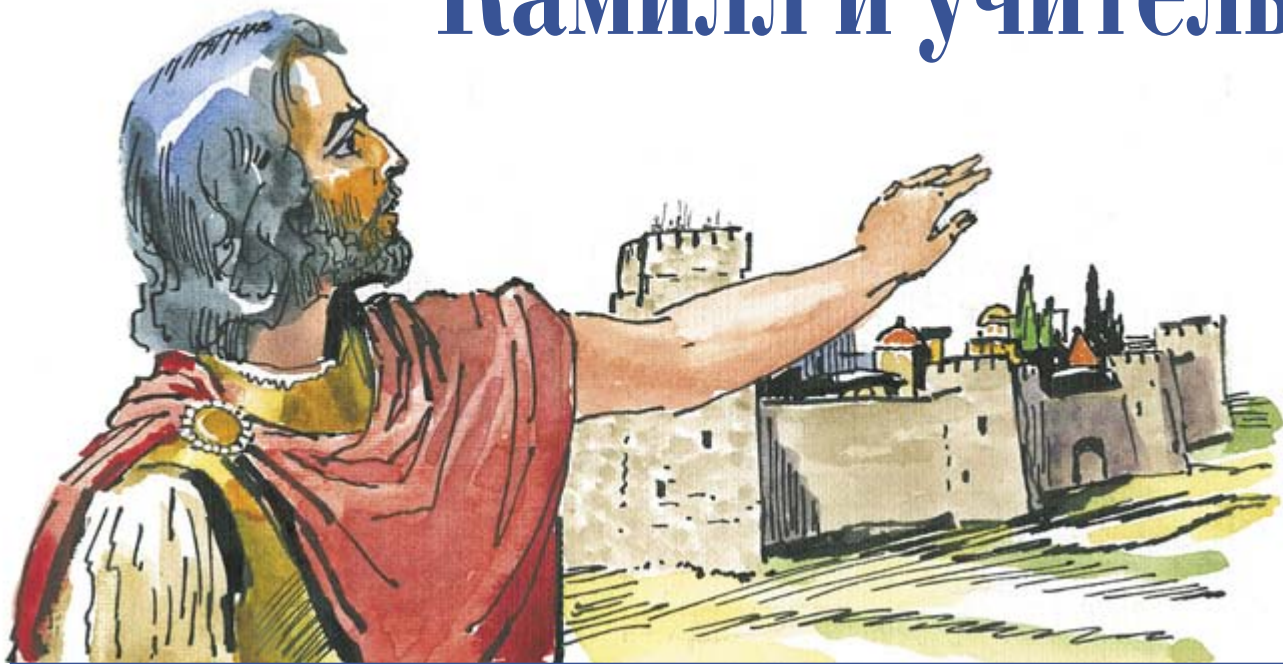
Я посмотрел на его маленький веснушчатый нос и подумал, что ему действительно нечего бояться. Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Еще не известно, кем он будет, когда вырастет, но, кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек.

Я подумал так, и мне стало очень приятно, что я познакомился с этим мальчиком.

И я ещё раз крепко и с удовольствием пожал ему руку.

Камилл и учитель

Очень давно, когда ещё и тебя и меня на свете не было, и наших дедушек и бабушек ещё не было, жил на свете человек, полководец Марк Фурий Камилл.

Человек этот был римлянин. И больше всего на свете он любил свою родину — Рим. За родину он готов был отдать и свободу, и счастье, и богатство, и даже собственную жизнь. Только одного он, пожалуй, не мог бы отдать даже любимой родине — это своей совести. Человек он был честный, прямой, неподкупный. Сам был такой и от других тоже требовал честности и прямотушия.

А то, что он был удивительно храбрый и бесстрашный и не щадил своей жизни, — это не выдумка.

Вот послушай, что рассказывается о нем в одной старой книге.

Когда Камилл был ещё совсем маленьким человеком, случилось ему принимать участие в одной стычке с врагами, в одной конной атаке. В бою он потерял и меч, и копьё, и дротик. И ему ничего не оставалось делать: или беги, или сдавайся в плен. А тут ещё, когда он остался без оружия, его ранили: тяжёлый вражеский дротик вонзился ему в левое бедро. Наверно, это было очень больно. Но Камилл даже не покачнулся, даже коня не придержал. Он выдернул из раны дротик и с этим чужим, окровавленным оружием в руке поскакал впереди своих войск добивать неприятеля.

За такую отвагу и храбрость римские граждане выбрали Фурия Камилла своим военным трибуном, то есть самым главным начальником или полководцем. И он до конца своей жизни командовал римскими войсками и водил их в походы. И всегда эти походы заканчивались поражением врагов и победой римлян.

Только один город долго и упорно не сдавался Камиллу.

Это был город Фалерия — главный город страны фалесков.

Город этот был хорошо укреплен. Его окружали высокие каменные стены. Да и сами фалески были народ боевой, храбрый, и сдаваться без боя, продавать задешево свою жизнь и свободу они не хотели. И римляне, как ни бились, ничего не могли с ними поделать.

А в городе Фалерия проживал в это время один школьный учитель. И хотя была война, жители Фалерии, желая показать, что они не только не боятся, но и презирают врагов, нарочно не прекращали своих обычных занятий: работали, торговали, ходили в гости... И школьный учитель тоже, как всегда, занимался со своими ребятами — учил их читать и писать, обучал арифметике, фехтованию, пению и гимнастике.

Человек этот был изменник, предатель. Он очень любил деньги. И за деньги был готов продать и свою родину и своих земляков.

И вот послушай, что он придумал, этот учитель.

Он стал устраивать со своими учениками ежедневные загородные прогулки.

Каждое утро он стал выводить ребят за городскую стену. Сначала он прогуливал их недалеко, у самой стены, а потом стал водить все дальше и дальше от города, все ближе и ближе к римскому лагерю.

Дети сначала побаивались немножко, ведь они знали, что где-то тут поблизости стоят страшные римские войска. Но потом постепенно они привыкли и даже полюбили эти таинственные утренние прогулки. Время было весеннее, в городе пыльно, жарко, а тут и цветы, и бабочки, и ручейки журчат... Тут и побегать можно, и пошуметь, и поиграть, и подраться.

Учитель, конечно, покрикивал на них. Он говорил, чтобы они не шумели и не отставали. Иногда он нагибался и срывал цветы и объяснял им, какой цветок как называется: вот это фиалка, это роза, а это вот простенький полевой цветок лютик.

Он говорил о цветах, о бабочках, о природе, а сам в это время обдумывал свой хитрый предательский план.

И вот однажды он вывел детей за городскую стену и повел их к римскому лагерю.

Дети не знали, куда их ведут, и шли, как всегда, спокойно, ни о чем плохом не думая и ничего не подозревая.

И вдруг из кустов им навстречу выбежали римские воины:

— Стой! Кто такие? Куда?

Дети перепугались, стали кричать и плакать. И тогда солдаты, увидев, что

это хотя и фалески, но маленькие, и подумав, что они заблудились, решили их отпустить. Но учитель сказал:

— Нет, не надо нас отпускать. Ведите нас к Фурию Камиллу.

И солдаты повели их в лагерь.

А Камилл в это время сидел у себя в палатке на военном совете. И когда ему доложили, что привели фалесков, он очень обрадовался. Он подумал, что это пришли послы и что фалески решили сдаваться.

Но когда он вышел из палатки и увидел перед собой не почтенных и седовласых послов, а маленьких плачущих детей, он удивился и спросил:

— Что это такое? Почему здесь дети?

Учитель выступил вперед, поклонился и сказал:

— Это я, почтенный Камилл, я, скромный и ничтожный фалесский учитель, привел к тебе пленников.

— Пленников? — с усмешкой переспросил Камилл. — Да на что же мне

эти пленники? Разве ты, учитель, не знаешь, что Камилл с детьми не воюет?

— Да, — сказал учитель. — Я знаю, что храбрый, великодушный и непобедимый Камилл не воюет с детьми. Но ты обрати внимание на то, что это дети самых знатных и богатых фалесков. Теперь ты можешь спокойно праздновать победу. Чтобы выручить своих детей, чтобы спасти их, наши фалески теперь уж обязательно сдадут тебе город. Вот тебе залог. Получи его.

И учитель ещё раз низко, до самой земли поклонился.

Он думал, что Камилл кинется его обнимать, расцелует и наконец наградит каким-нибудь драгоценным перстнем или мешком золотых либров.

Но Камилл выслушал его молча, нахмурился и долго стоял, ничего не отвечая. Потом он повернулся к своим солдатам и сказал:

— А ну-ка, друзья, разденьте, пожалуйста, этого человека.

Солдаты кинулись исполнять его приказание.

Учитель побледнел, обратился к Камиллу и стал кричать:

— Что ты делаешь? Римлянин! Ты не понял меня!

Но с него уже сдирали его учительскую одежду.

— Теперь свяжите ему за спиной руки, — приказал Камилл.

Солдаты и это сделали.

— А теперь принесите сюда хороших прутьев.

Учитель задрожал и кинулся перед Камиллом на колени. Но Камилл даже не взглянул на него. Он повернулся к детям и сказал им:

— Молодые фалески, когда вы будете большими и вам придется воевать с сильным и мужественным врагом, вспомните, что нужно всегда и во всех случаях полагаться на собственные силы, а не на злодейство других.

Дети, может быть, и не поняли, что он им сказал, ведь они ещё были совсем маленькие. Но хорошо, если бы ты понял и навсегда запомнил эти слова римского полководца.

— А теперь, — сказал Камилл, — гоните своего педагога домой. Вот вам для этого прутья. Возьмите каждый по прутью — и в добрый путь!..

Это уж даже и маленькие фалески поняли. Они живо расхватили принесенные солдатами прутья и с шумом и с песнями погнались своего ничтожного и недостойного учителя, как какого-нибудь гуся или поросенка, домой, в город.

Когда фалески узнали о том, что сделал Камилл, они тотчас собрали совет и постановили отдать город римлянам добровольно и без боя.

И когда фалесские послы, почтенные седовласые старцы, явились к Камиллу, они сказали ему:

— Не мечом и не силой ты победил нас. Ты не сломил наших каменных стен, но ты сокрушил наши сердца своим добрым и справедливым поступком.

И вот уже две с лишним тысячи лет прошло. Камилл давно умер. И дети его умерли, и внуки, и правнуки... А слава этого человека живет. И рассказывать о нем очень приятно.

Учил я когда-то одну маленькую девочку читать и писать. Девочку звали Иринушка, было ей четыре года пять месяцев, и была она большая умница. За каких-нибудь десять дней мы одолели с ней всю русскую азбуку, могли уже свободно читать и «папа», и «мама», и «Саша», и «Маша», и оставалась у нас невыученной одна только, самая последняя буква — «я».

И тут вот, на этой последней буковке, мы вдруг с Иринушкой и споткнулись.

Я, как всегда, показал ей букву, дал ей как следует её рассмотреть и сказал:

— А это вот, Иринушка, буква «я».

Иринушка с удивлением на меня посмотрела и говорит:

— Ты?

— Почему «ты»? Что за «ты»? Я же сказал тебе: это буква «я»!

— Буква ты?

— Да не «ты», а «я»!

Она ещё больше удивилась и говорит:

— Я и говорю: ты.

— Да не я, а буква «я»!

— Не ты, а буква ты?

— Ох, Иринушка, Иринушка! Наверное, мы, голубушка, с тобой немного переучились. Неужели ты в самом деле не понимаешь, что это не я, а что это буква так называется: «я»?

— Нет, — говорит, — почему не понимаю? Я понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Это не ты, а это буква так называется: «ты».

Фу! Ну в самом деле, ну что ты с ней поделаешь? Как же, скажите на милость, ей объяснить, что я — это не я, ты — не ты, она — не она и что вообще «я» — это только буква.

Буква «ТЫ»

— Ну, вот что, — сказал я наконец, — ну, давай, скажи как будто про себя: я! Понимаешь? Про себя. Как ты про себя говоришь.

Она поняла как будто. Кивнула. Потом спрашивает:

— Говорить?

— Ну, ну... Конечно.

Вижу — молчит. Опустила голову. Губами шевелит.

Я говорю:

— Ну, что же ты?

— Я сказала.

— А я не слышал, что ты сказала.

— Ты же мне велел про себя говорить. Вот я потихоньку и говорю.

— Что же ты говоришь?

Она оглянулась и шепотом — на ухо мне:

— Ты!..

Я не выдержал, вскочил, схватился за голову и забегал по комнате.

Внутри у меня уже все кипело, как вода в чайнике. А бедная Иринушка сидела, склонившись над букварем, искоса поглядывала на меня и жалобно сопела. Ей, наверно, было стыдно, что она такая бестолковая. Но и мне тоже было

стыдно, что я — большой человек — не могу научить маленького человека правильно читать такую простую букву, как буква «я».

Наконец я придумал все-таки. Я быстро подошел к девочке, ткнул её пальцем в нос и спрашиваю:

— Это кто?

Она говорит:

— Это я.

— Ну вот... Понимаешь? А это буква «я»!

Она говорит:

— Понимаю...

А у самой уж, вижу, и губы дрожат, и носик сморщился — вот-вот заплачет.

— Что же ты, — я спрашиваю, — понимаешь?

— Понимаю, — говорит, — что это я.

— Правильно! Молодец! А это вот буква «я». Ясно?

— Ясно, — говорит. — Это буква ты.

— Да не ты, а я!

— Не я, а ты.

— Не я, а буква «я»!

— Не ты, а буква «ты».

— Не буква «ты», господи боже мой, а буква «я»!

— Не буква «я», господи боже мой, а буква «ты»!

Я опять вскочил и опять забегал по комнате.

— Нет такой буквы! — закричал я. — Пойми ты, бестолковая девчонка! Нет и не может быть такой буквы! Есть буква «я». Понимаешь? Я! Буква «я»! Изволь повторять за мной: я! я! я!..

— Ты, ты, ты, — пролепетала она, едва разжимая губы. Потом уронила голову на стол и заплакала. Да так громко и так жалобно, что весь мой гнев сразу остыл. Мне стало жалко её.

— Хорошо, — сказал я. — Как видно, мы с тобой и в самом деле немного заработались. Возьми свои книги и тетрадки и можешь идти гулять. На сегодня — хватит.

Она кое-как запихала в сумочку свое барахлишко и, ни слова мне не сказав, спотыкаясь и всхлипывая, вышла из комнаты.

А я, оставшись один, задумался: что же делать? Как же мы в конце концов перешагнем через эту проклятую букву «я»?

«Ладно, — решил я. — Забудем о ней. Ну её. Начнем следующий урок прямо с чтения. Может быть, так лучше будет».

И на другой день, когда Иринushка, веселая и раскрасневшаяся после игры, пришла на урок, я не стал ей напоминать о вчерашнем, а просто посадил её за букварь, открыл первую попавшуюся страницу и сказал:

— А ну, сударыня, давайте-ка, почитайте мне что-нибудь.

Она, как всегда перед чтением, поерзала на стуле, вздохнула, уткнулась и

пальцем и носиком в страницу и, пошевелив губами, бегло и не переводя дыхания, прочла:

— Тыкову дали тыблоко.

От удивления я даже на стуле подскочил:

— Что такое? Какому Тыкову? Какое тыблоко? Что ещё за тыблоко?

Посмотрел в букварь, а там черным по белому написано: «Якову дали яблоко».

Вам смешно? Я тоже, конечно, посмеялся. А потом говорю:

— Яблоко, Иринushка! Яблоко, а не тыблоко!

Она удивилась и говорит:

— Яблоко? Так значит, это буква «я»?

Я уже хотел сказать: «Ну конечно, «я»! А потом спохватился и думаю: «Нет, голубушка! Знаем мы вас. Если я скажу «я» — значит — опять пошло-поехало? Нет, уж сейчас мы на эту удочку не попадемся».

И я сказал:

— Да, правильно. Это буква «ты».

Конечно, не очень-то хорошо говорить неправду. Даже очень нехорошо говорить неправду. Но что же поделаешь! Если бы я сказал «я», а не «ты», кто знает, чем бы все это кончилось. И, может быть, бедная Иринushка так всю жизнь и говорила бы — вместо «яблоко» — тыблоко, вместо «ярмарка» — тырмарка, вместо «якорь» — тыкорь и вместо «язык» — тызык. А Иринushка, слава богу, выросла уже большая, выговаривает все буквы правильно, как полагается, и пишет мне письма без одной ошибки.

1945

■ Эти рассказы давно уже стали классикой, на них воспиталось не одно поколение читателей. Они издавались в сериях «Библиотека пионера», «Золотая библиотека», в сборниках, представляющих советскую детскую литературу за рубежом. Дети, их судьбы, характеры всегда волновали писателя. В каждом из ребят, независимо от возраста, Пантелеев видит личность, с уважением и пониманием относится к трудностям, с которыми они сталкиваются на нелегком пути взросления. Какими же представляет своих героев Пантелеев? Он считает, что самые лучшие человеческие качества — честность, храбрость, достоинство — проявляются не только в исключительных обстоятельствах, но и в самой обыч-

ной, будничной обстановке. Вот почему написанный в мирные дни рассказ «Честное слово» о верности маленького мальчика данному слову так актуально прозвучал в первые дни войны. Его не только опубликовали, но и читали по радио.

■ Осень и зиму 1941–1942 годов Пантелеев провел в осажденном Ленинграде. Наряду со взрослыми судьбу блокадного города разделяли дети. Вместе с ребятами писатель дежурил на крыше, тушил зажигалки, дети окружали его и на Каменном острове в больнице, куда его привезли в состоянии крайнего истощения. «Присутствие детей, — пишет Пантелеев, — подчеркивало великий человеческий смысл нашей борьбы».

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

ПОДВИГ на все времена

Алексей Маресьев

К 100-ЛЕТИЮ МАРЕСЬЕВА

Ещё 20 лет назад стоило произнести это имя — Алексей Маресьев — и больше ничего рассказывать не надо было. Ибо о подвиге этого легендарного лётчика Великой Отечественной войны знали почти все — от подростков до пенсионеров. А послужили этому — и книга «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого, и фильм с таким же названием, где главную роль исполнил замечательный советский актёр Павел Кадочников. И, поскольку в книге почти документально было рассказано о герое войны и его подвиге, то и большинство людей в нашей стране не разделяли литературного героя и самого Алексея Маресьева, что очень поможет моему рассказу об этом удивительном человеке, ставшем примером мужества для нескольких поколений, в том числе и нынешнего.

Так случилось, что мечта стать лётчиком завладела Алексеем очень рано. Но рос он в Камышине, что на Волге, довольно слабым ребёнком, а после и подростком, постоянно болел, в том числе ревматизмом, не дававшим покоя суставам и, когда решился поступить в лётную школу, то был решительно отвергнут по той самой причине. Но Алексей оказался не из тех, кто предаёт заветную свою мечту. Уехав по комсомольской путёвке на Дальний Восток, он всё-таки поступает там в аэроклуб и начинает учиться лётным азам, не забывая укреплять здоровье.

А в Европе уже разгоралась Вторая мировая война. Маресьева призвали в армию и вскоре направили на учёбу в Батайское авиационное училище, что в Ростовской области. Получив звание младшего лейтенанта, он стал работать инструктором, однако война повернула круто и его жизнь, и в конце августа 1941 года он совершил первые боевые вылеты на территории Украины, а через полгода был переведён на Северо-Западный фронт. К этому времени на его счету было уже четыре сбитых самолёта.

И вот 4 апреля 1942 года во время боя в новгородском небе немцы подбили бомбардировщик Маресьева, и машина тяжёлым камнем ринулась вниз. Удар о землю только чуть смягчили деревья. Тяжело раненный лётчик потерял сознание. Очнувшись, ещё не зная, что его ждёт, Маресьев мысленно воскликнул: «Жив, жив, жив!» А значит, есть надежда выбраться к своим и снова бить врага! Он тут же поспешил встать на ноги и вскрикнул от боли: обе ноги были серьёзно покалечены. Что делать, как жить дальше?

«И вдруг он живо представил себе немцев на улицах родного Камышина. Они жгут костры из деревьев, с такой любовью выра щен-

Алексей Маресьев в авиационном училище. 1945 г.

ных камышинцами. Окутан дымом родной городок, и на месте, где был домик, в котором вырос Алексей, где жила его мать, торчит закоптелая и уродливая труба.

В сердце его накалилась тягучая и жуткая тоска», — рассказывает в повести Борис Полевой. И тем сильнее было желание не сдаться судьбе и назло врагам снова подняться в небо!

18 суток, метр за метром, шаг за шагом, голодая, изнемогая от холода и дикой боли при каждом шаге, — Алексей упорно продвигался на восток, к своим.

«Но как тяжело далась ему первая тысяча шагов! Он пытался переключить свое внимание на подсчет, чтобы ослабить боль, но, пройдя пятьсот шагов, начал путать, врать и уже не мог думать ни о чем другом, кроме жгучей, дергающей боли. И все же он прошел эту тысячу шагов. Не имея уже сил присесть, он упал лицом в снег и стал жадно лизать наст. Прижимался к нему лбом, висками, в которых стучала кровь, и испытывал несказанное блаженство от ледящего прикосновения».

Когда ноги перестали хоть как-то ему повиноваться, он стал перекатываться — со спины на живот, затем снова на спину, оставляя позади метр за метром... И кто знает, хватило ли бы у него сил, если бы стояла перед ним одна-единственная задача: выжить. Но страстное желание оказаться нужным своей стране, когда идет страшная война,

когда он, уже состоявшийся лётчик, может снова на равных потягаться в воздухе с прославленными асами противника, — этот зов души придавал ему новые силы, и ничто и никто не мог ему помешать в этом. Опережая события, скажу, что после видавшие виды командиры и генералы наших войск сначала с трудом верили, что такое испытание под силу раненому, изможденному до крайности человеку, а потом... не находили слов от гордости за советского солдата, лётчика.

Обнаружили еще живого Маресьева деревенские мальчишки, а после заботливо ухаживали за ним колхозники. Наконец, недалеко от села приземлился самолёт, и Маресьева отправили в московский госпиталь. И начался новый период его жизни, а вернее, подвига, ибо болезнь отняла обе ноги, и предстояло научиться не только жить инвалидом, но и продолжать упорно двигаться к намеченной цели — снова встать в боевой строй и владеть самолётом, и сражаться в родном русском небе... И в госпитале он продолжал удивлять уже немало повидавших врачей. Во время сложнейшей операции организм его не позволил применить общий наркоз (когда действия хирургов не вызывают нестерпимую боль), — Маресьев не издал ни стона, ни крика. И главный хирург то и дело просил сестёр смотреть, не умер ли пациент.

А пациент, вынужденный смириться с потерей, уже вскоре упорно заставлял свои новые ноги-протезы подчиняться его воле.

«Гимнастика ног причиняла острую боль, но Мересьев с каждым днем отводил ей на минуту больше, чем вчера. Это были страшные минуты — минуты, когда слезы сами лились из глаз и приходилось до крови кусать губы, чтобы сдержать невольный стон. Но он заставлял себя проделывать упражнения сначала один, потом два раза в день, с каждым разом увеличивая их продолжительность. После каждого такого упражнения он бессильно падал на подушку с мыслью: сумеет ли он снова возобновить их? Но приходило положенное время, и он принимался за свое».

В повести немаловажную роль сыграл эпизод похорон умершего в госпитале комиссара Семёна Воробьёва.

«Кого же хоронят? Ну? Чего это вы все точно деревянные! — нетерпеливо спрашивал майор, все ещё не оставляя своих попыток дотянуться до подоконника.

Тихо, глухо, надтреснутым и словно сырым голосом ответил ему наконец Константин Кукушкин:

— Настоящего человека хоронят... Большевика хоронят.

И Мересьев запомнил это: настоящего человека. Лучше, пожалуй и не назовешь комиссара. И очень захотелось Алексею стать настоящим человеком, таким же, как тот, кого сейчас увезли в последний путь».

После госпиталя Алексея отправили в санаторий. Казалось бы, продолжай лечение, отдыхай, ведь ты заслужил это...

«По санаторию распространилась весть, казавшаяся нелепой: безногий летчик... увлекся танцами». А Мересьев решил про себя, что никакая комиссия не устоит, когда увидит, как он лихо отплясывает «Барыню» или кружится в вальсе с медсестрой.

«С улыбкой на разгоряченном лице выходил он на улицу, небрежно обмахиваясь платком, но, как только переступал порог и вступал в полутьму ночного леса, улыбка тотчас же сменялась гримасой боли. Цепляясь за перила, шатаясь, со стоном сходил он со ступенек крыльца, бросался в мокрую, росистую траву и, прижавшись всем телом к влажной, ещё державшей дневное тепло земле, плакал от жгучей боли в натруженных, стянутых ремнями ногах». Что это, как не новое преодоление себя, порой не менее мучительное, чем те самые 18 дней после падения самолёта? И какое слово может выразить всё это? Мы знаем его: подвиг.

«Незаметно он появлялся в зале, где, обливаясь потом, играл неутомимый инвалид-баянист, подходил к рыженькой Зиночке,

которая уже искала его в толпе глазами, широко улыбался, показывая ровные белые, точно из фарфора отлитые, зубы, и ловкая, красивая пара снова устремлялась в круг».

Однако не сразу ему поверили те, кто решал судьбу будущего Героя Советского Союза. Большие военные начальники — одни не верили в возможности инвалида, да ещё в боевых условиях, другие осторожничали: мало ли что. Ведь отвечать придётся и за самолёт, и за лётчика. Но Мересьев не для того столько вынес и пережил, чтобы сдать на финишной прямой. И, наконец, в июне 1943 года он получил назначение в 63-й гвардейский истребительный полк. Но, опасаясь за судьбу лётчика и очередного воздушного боя, Мересьева не сразу выпустили в небо, а только тогда, когда знаменитое сражение на Курской дуге стало требовать новые силы, когда от его исхода стала зависеть судьба всей страны.

Это было в начале июля 1943 года. За два дня он сбил 5 фашистских самолётов! И снова и снова поднимался в небо, выполняя очередное задание командования, с риском для жизни бросаясь на помощь товарищам, попавшим под вражеские прицелы. И не удивительно, что за подвиги в небе в августе этого же года он получил звание Героя Советского Союза, о котором благодаря прессе уже знали сотни лётчиков и тысячи людей, передававших из уст в уста перипетии этой необыкновенной судьбы. Шутка ли, на сче-

ту его уже было около 90 боевых вылетов и 11 сбитых самолётов противника!

В те дни и познакомился с ним писатель Борис Полевой. Сначала, как обычно в условиях войны, хотел рассказать о лётчиках полка в очерке, но после разговора с Алексеем понял: рассказом тут не обойтись. Правда, пришлось добавить кое-какие лирические линии в повесть (куда же без них!), а в остальном старался быть максимально документальным и правдивым: иначе поступить не мог. Слишком нетипичная судьба, слишком дорого заплатил Маресьев за победу — не только над фашистскими асами в небе, но и над самим собой. Книга вышла через три года и стала буквально настольной для многих и многих читателей, не говоря о тех, кто решил связать свою судьбу с небом, уже не сомневавшихся, с кого надо «делать жизнь». Способствовал этому и фильм с Кадочниковым в главной роли, и одноимённая опера Сергея Прокофьева в Большом театре.

А знаменитый лётчик, как рассказывал Полевой, «закончив войну... женился на любимой девушке, и у них родился сын Виктор. Из Камышина к Маресьевым приехала его старушка-мать, которая сейчас живет с ними, радуясь на счастье своих детей и нянча маленького Маресьева. Так сама жизнь продолжила эту написанную мною повесть об Алексее Маресьеве — Настоящем Советском Человеке».

Но и послевоенная жизнь лётчика не стала основанием для заслуженного отдыха. Он учил лётному делу молодую смену, выпустил книгу «На Курской дуге», стал кандидатом исторических наук, вёл большую работу в Советском комитете ветеранов войны...

Скончался лётчик-герой на 85-м году жизни, в самом начале XXI века, и был похоронен со всеми почестями на Новодевичьем кладбище.

Остаётся добавить, что именно Алексей Маресьев стал на многие годы примером служения Родине, и его подвиг повторили около десяти лётчиков, предпочтя военную службу креслу инвалида. Широко известен в стране и Фонд имени А. П. Маресьева «За волю к жизни». Среди его лауреатов мы видим и легендарного человека — Валентина Дикую. Пример знаменитого лётчика помог ему, вопреки предсказаниям врачей, встать на ноги во всех смыслах и уже самому помогать людям, попавшим в беду, — обрести веру в себя, видеть смысл жизни и идти вперёд во что бы то ни стало, как это делал поистине настоящий человек Алексей Маресьев, который и нам, ныне живущим, оставил своё послание:

«Напрасно некоторые считают, что смелость можно проявить только на войне. В самой простой жизни может быть иной раз больше мужества и стойкости, чем в какой-нибудь военной биографии».

У памятника А. Маресьеву

Советские художники в годы Великой Отечественной войны

Даниил Санкин

С. Герасимов. Мать партизана. 1943 г.

Ранним утром 22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Вооруженная до зубов гитлеровская армия, несмотря на мужественное сопротивление советских войск, продвигалась вперед. Смертельная опасность нависла над нашей Родиной. От каждого советского гражданина, на каком бы посту он ни находился: в траншее переднего края или у доменной печи, за штурвалом боевого самолета или за рулем трактора, — требовалась беспредельная самоотверженность, честное служение Родине.

«Все для фронта, все для победы!» Эти слова стали девизом жизни и работы советских людей.

По призыву партии весь народ поднялся на борьбу с врагом. Советские художники также почувствовали себя мобилизованными и призванными своим искусством служить народу, помогать ему в смертельной схватке с врагом.

Первыми, кто откликнулся на военные события, были художники-плакатисты. На второй день войны уже появился плакат Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!».

В первые же дни Отечественной войны были созданы «Окна ТАСС». В них сотрудничали поэты Д. Бедный, Маршак, Лебедев-Кумач, Кирсанов, художники Ефимов, Кукрыниксы, Горяев, Черемных.

Кукрыниксы. Беспощадно разгромим и уничтожим врага!.. 1941 г.

Плакаты «Окон ТАСС» знала вся страна; толпы москвичей собирались у витрин, ожидая нового выпуска. Размноженные в уменьшенном формате, они доставлялись на фронт, самолеты в виде листовок разбрасывали их над оккупированными городами и се-

лами, внушая людям веру в нашу победу. Среди первых плакатов Отечественной войны следует отметить плакат художника И. Тоидзе «Родина-мать зовет».

С плаката художника Д. Шмаринова «Отомсти» смотрит на зрителя женщина. На фоне дымного пожара стоит она, неподвижная и страшная в своем горе. На её опущенных руках — тело зверски убитой девочки. В широко раскрытых, наполненных слезами глазах матери не только страдание, но и требование — отомсти!

Необычайно широкое распространение в годы войны получил плакат художника В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!».

Многokrатно повторенный на фанерных щитах у фронтовых дорог, на стенах домов, на почтовых открытках этот плакат стал символом и клятвой, будил в

В. Корецкий. Воин Красной Армии, спаси! 1941 г.

сердцах бойцов горячее стремление разгромить врага, спасти жен и детей от мук и страданий.

Не только средствами идеологического оружия сражались с врагом художники нашей страны. Многие из них стали солдатами Советской Армии. Они уча-

А. Пластов. Фашист пролетел

ствовали в борьбе с фашистами в составе боевых частей Действующей армии, партизанских отрядов, народного ополчения. Но и на фронте они не переставали быть художниками. В свободное от боевых операций время они не расставались с походными альбомами, делая беглые зарисовки, набрасывая эскизы, композиции будущих картин.

В самые суровые дни 1942 года, когда враг подходил к столице, в Москве и Ленинграде были открыты художественные выставки. Идеи патриотизма определяли содержание искусства этого периода. Пафос героики, прославления советского человека-победителя звучал в живописных полотнах художников военных лет.

О стойкости и мужестве советских людей, о героизме и бесстрашии советской женщины-матери рассказал художник С. В. Герасимов в картине «Мать партизана» (1943).

О зверствах фашистов, об их надругательствах над советскими людьми поведали художники А. А. Пластов в картине «Фашист пролетел» (1942), Г. Г. Рязский «В рабство» (1942), Т. Г. Гапоненко «После изгнания немцев» (1943–1946).

В годы Великой Отечественной войны у советских художников, как и у всего народа, с особенной силой проявилось патриотическое чувство, интерес к национальному прошлому нашей Родины, к её лучшим вековым традициям.

Образ Александра Невского, человека могучей воли, глубоко преданного Родине, создал художник П. Д. Корин (1942).

И. Тоидзе. Родина-мать зовёт

«Я писал его, — рассказывает художник, — в суровые годы войны, писал непокорный гордый дух нашего народа, который «в судный час своего бытия» встал во весь свой гигантский рост».

Художник А. А. Дейнека в картине «Оборона Севастополя» (1943) показал небывалую отвагу и стойкость моряков — за-

А. Дейнека. Оборона Севастополя. 1943 г.

П. Кривоногов. Победа. 1945–1948 гг.

щитников города-героя. Им же были написаны картины «Сбитый фашистский ас», «Авиационный десант на Днепре» и другие.

В тяжелые дни блокады художники Ленинграда ни на один день не прекращали работы. О мужестве, необычайной силе воли, исключительном упорстве и терпении ленинградцев, героически переносивших непомерные тяготы жизни в условиях осажденного города, рассказывали они в своих полотнах.

Торжеством великой победы Советской Армии над врагом проникнута большая батальная картина «Прорыв блокады 18 января 1943 года», написанная коллективом ленинградских художников в составе А. А. Казанцева, И. А. Серебряного, В. А. Серова. Картина изображает ра-

достный момент соединения войск двух фронтов. Она была создана художниками вскоре после прорыва блокады, когда в памяти людей ещё свежи были недавние переживания и горести, когда сама земля ещё хранила следы ожесточенных сражений.

В годы Отечественной войны выдвинулись многие молодые художники, для которых работа над батальными темами явилась большой и плодотворной школой идейного и творческого роста.

В числе их наиболее ярко проявили себя воспитанники студии военных художников имени Грекова. Основанная в 1934 году как учебная, в дни войны она превратилась в боевой коллектив военных художников-профессионалов. Их работа протекала на передовых линиях фрон-

та. Студийцы были непосредственными участниками подмосковных боев, великой битвы на Волге, форсирования Днепра и штурма Берлина.

Среди этой талантливой молодежи особенно выдвинулся живописец-баталист П. А. Кривоногов. В 1945 году он создал картину «Корсунь-Шевченковский», в которой запечатлел одно из больших сражений в районе Правобережной Украины, во время которого было окружено и уничтожено 11 немецких дивизий. Художник был свидетелем этой операции, что обусловило жизненную достоверность и документальную точность картины.

Годы Великой Отечественной войны явились одним из значительных этапов в истории советского искусства.

Самый театральный фонтан

Первый фонтан на Театральной площади в Москве был построен ещё в 1835 году. Автором проекта был известный в столице скульптор И. Витали.

Интересно, что этот фонтан стал первым общественным фонтаном города, хотя о «водоёмах» (так на Руси называли эти водные сооружения) было известно ещё во времена царя Алексея Михайловича.

Именно этот самодержец устраивал в усадьбе Коломенское водные забавы с использованием этой заморской диковинки.

Но фонтаны тогда на Руси не прижились и появились в городской архитектуре лишь в XIX веке. Один из самых запоминающихся и любимых в Москве — фонтан у Большого театра.

В советское время фонтан у Большого театра планировали разместить ещё в 1940 году. Проект разработал архитектор В. И. Долганов, но в планы градостроителей вмешалась война. К вопросу вернулись лишь после Великой Победы.

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВРЕМЕНИ

В облицовке фонтана у Большого театра использовали завезенный ещё гитлеровцами скандинавский благородный мрамор и гранит. Материал планировали использовать для будущего монумента в Москве — в честь победы «великой» Германии над СССР.

Завхватчиков изгнали, а мрамором и гранитом, кроме отделки фонтана на Театральной площади, облицевали цоколь здания по нынешней Тверской улице, 9.

В 1987 году сквер и фонтан у Большого театра демонтировали и восстановили лишь через десять лет — к 850-летию столицы.

Правда, это был уже другой фонтан, который разработали в мастерской московской организации «Моспроект-2». Авторский коллектив — М. Морина и О. Жибуртович. Исполнителем была назначена организация «Дормост».

Водяное сооружение возвели на импровизированном подиуме в центральной части круглой площади. Композиция состоит из трех чаш, в которых расположены два вида ваз, исполненных скульптором А. Н. Бургановым.

Ночная подсветка разноцветными фонарями добавляет театральности этой изумительной водной конструкции, которая извергает каждую минуту 4 тысячи литров воды!

Театральный фонтан у Большого театра стал не только излюбленным местом паломничества москвичей и гостей города Москвы, но и местом встречи ветеранов Отечественной войны 1941–1945 годов в День Великой Победы — 9 Мая.

Сквер и фонтан у Большого театра в Москве

Рассказы- горошины

Качели

Прохожие останавливались и оборачивались.

- Смотрите!
- Вот это да!
- Чумовая бабка!

Варвара Егоровна лихо раскачивалась на качелях и, подлетая вверх, жмурилась от солнца и удовольствия. Качели были старые. Они помнили Варвару Егоровну озорной девчонкой. Бабушка счастливо улыбалась и взвизгивала, когда качели, на мгновение зависнув в самой верхней

точке, начинали стремительное падение. В этот момент она не только вспоминала, но и чувствовала себя тонконогой девчонкой с двумя непослушными косичками.

Вокруг стали собираться зеваки.

— Женщина, что вы делаете? Вы качели ломаете! — сказала тётенька, вышедшая прогулять мопса.

— Да что она сломает? — возразил дяденька, снимающий событие на смартфон. — Смотрите, какая маленькая. Божий одуванчик.

— Но ведь нельзя взрослым! — не сдавалась собачница.

— Гав-гав! — подтвердил мопс.

— Тётенька, завидовать нехорошо! — заметил проходивший мимо малыш с мамой и для убедительности выстрелил в мопса из водяного пистолета.

— Ты зачем в собачку выстрелил?! — заступилась за пса мама.

— Жарко. Пусть остынет, — ответил малыш и выстрелил в маму.

— Безобразие! — возмутилась тётенька. — Никакого воспитания!

— Нельзя ни в кого стрелять! — согласился дяденька.

— Гав! — подтвердил мопс.

Мама нахмурилась, открыла рот, собираясь заступиться за своего малыша, но тут Варвара Егоровна спрыгнула с качелей, улыбнулась и сказала:

— Люди хорошие, как хорошо, что вы здесь собрались! Здесь за углом есть хорошее кафе. А пойдёмте съедим по мороженому! Я сегодня пенсию получила, и я так люблю лето!

Все посмотрели на нее и тоже улыбнулись. А солнце отразилось от стекла открывшейся на третьем этаже форточки, словно и дом подтвердил то, что все любят лето.

Арбуз на крыше

Просто море

Всё течет, всё меняется. Только море всегда одно и то же. Мы приезжаем к нему летом. Мы купаемся. Мы уезжаем домой. А оно ждет. И на следующий год мы возвращаемся повзрослевшими, а море то же, что и год, и тысячу лет назад.

— Привет, море! — говорим мы, и оно лижет нам ноги.

И зовет купаться.

— Кто последний — черепаха!

Мы кидаемся в море. Мы поднимаем тучу брызг. Веселье брызжет из нас.

Мы ныряем. Мы плаваем. Мы прыгаем с пирса. Солдатиком, бомбочкой, рыбкой. По очереди. Все сразу. С кувырком. С поворотом.

Море берет наши силы. Море дает нам свою силу.

Этой силы нам хватит на целый год. Она будет бурлить в нашей крови, соленой как морская вода. А наши сердца будут большими и теплыми. В наших глазах поселятся солнечные блики.

Время на море не имеет значения. Отпуск пройдет незаметно. Нам грустно расставаться. Возьми, море, монетку и помни о нас до следующего лета. Просто помни. И мы снова встретимся.

Дима Садовский, тяжело дыша, с трудом вкатил на крышу большой полосатый арбуз.

— Ты что?! — воскликнул Саша Огородников, когда Дима Садовский, улыбаясь, вскарабкался к нему на крышу.

— А что? — Дима улыбнулся ещё шире. — Съедем!

— Скорее, съедем! Или скатимся вслед за этим! Ты зачем его притащил? — закричал на друга Саня.

— Есть, блин! — упорствовал Дима. — Помог бы лучше. А то шмякнется.

Саша вздохнул и помог. Минуту спустя пацаны сидели на коньке крыши лицом друг к другу, в четыре руки держали большой арбуз и смотрели него.

— Трудно было нож достать? — спросил Саша.

— Так я сбегаю.

— А я как дурак буду сидеть на крыше с арбузом?

— Ну тогда давай его треснем.

Арбуз словно только этого и ждал. Как только ребята опустили его на жестяной конек, он громко затрещал и развалился на две примерно равные половины.

— Спорим, я быстрее съем! — вскричал Дима и углубился в арбуз.

Саша не ответил, но идею поддержал.

Светило солнце, мимо пролетали птицы, на теплой крыше сидели два друга, ели арбуз и отплевывались косточками. Пахло летом и счастьем.

Олег Трушин
Фото автора

КРАЙ СВЕТА

ОЧЕРКИ О КАМЧАТКОМ ПУТЕШЕСТВИИ

КАМЧАТКА

В царстве бурых медведей

Когда узнали, что я отправляюсь на Камчатку, мои знакомые воскликнули в один голос: «Осторожней, там же медведи!» Ну, что поделаешь, такое уж сложилось мнение, что медведя на Камчатке будто бы можно встретить везде, куда бы ты ни пошёл или ни поехал.

Но есть на Камчатке местечки, которые косолапые облюбовали с незапамятных времён, с тех, когда человеку эти уголки дикой природы были ещё совсем не ведомы. И одно из таких мест на Камчатке — Курильское озеро.

Название озера само говорит за себя. Совсем недалеко от него, от мыса Лопатка через Первый Курильский пролив, где Тихий океан принимает к себе воды Охотского моря, протянулась гряда Курильских островов.

Если посмотреть на Курильское озеро свысока, то

оно предстанет взору плотно зажатым тесниной горных хребтов.

Много рек впадает в Курильское озеро, а вот свой исток берёт лишь одна — река Озёрная. Широкая, извилистая, с каменисто-песчаным дном тянет она своё русло, к самому Охотскому морю, давая путь тысячным стаям нерки в период нереста.

Над изгибом реки Озёрной, у самого её истока, наш вертолёт, сделав круг, начал снижаться. Был хорошо виден простор широкой реки со вдающимися глубоко в её русло языками полуостровов. Несколько сот метров от истока реки, был хорошо замечен и мост, протянувшийся поперёк через всё русло. Позже выяснил, это особая конструкция для подсчёта входящей в озеро лосося — нерки. Недалеко от берега по левую сторону от истока реки бы-

ли заметны коробочки домов инспекторского кордона.

По кордону запрещено бродить как угодно и от вертолётной площадки к берегу озера нужно следовать непременно в цепочке и под руководством вооружённого инспектора охраны. Все эти «блага» придуманы не просто так, а ради жизни и здоровья прибывших на кордон. Медведь тут может появиться в самый неподходящий момент и его настрой, хоть и привыкшего к людям, может быть непредсказуемым.

Действующий вулкан Ильинский — на переднем плане, в «опушке» прибрежной зелени. Почти ровные, ещё заснеженные, склоны поднимаются ввысь к «срезанной» маковке кратера. Отмечу, что был я на Курильском озере в конце июля, когда камчатское лето уже было на изломе, а

склоны вулкана вовсе не желали полностью освободиться от белоснежного одеяния. Белый снег, на фоне застывших языков лавы бурого цвета и зелени склонов, смотрелся особенно необычно. Когда вода на озере спокойна, то его зеркальная гладь принимает на себя отражение Ильинского, ещё раз подчёркивая большую высоту этого вулкана.

Спешим, не отставая за инспектором. Он, временами останавливается и поглядывает в «хвост» идущим, чтобы убедиться, все ли на месте. Вот уже открылся ровный берег озера, его гладь, уходящая к дальним отрогам хребтов. Лёгка зыбка волны от низового ветра. Вода нежно-голубого цвета. Но уже издали примечая необычность её окраса у самых берегов, с лёгким розовым оттенком. Уже, подойдя ближе, понял, что таким свет воды делают стада нерки — одного из видов тихоокеанского лосося, зашедшие на нерест. Прямо у берега столпотворение огромных краснопинных рыб. Тыкаются в отмель, словно стараясь выйти на берег. Поднявшись из океанских глубин к местам нерестилищ, преодолевая силу течения, идёт тихоокеанский лосось в те места, где когда-то появился на свет и вот теперь, дав жизнь новому поколению, суждено ему погибнуть. Словно потеряв всякую осторожность, идёт он в мелкие, прогретые солнцем ручьи и мелкие речушки, порой забывая собой от берега до берега и без того узкие руслица.

А вот и первый медведь Курильского озера. До него от нас было, может, чуть более ста метров. Погрузив-

шись почти весь в воду (на виду была только голова), косолапый был явно сосредоточен на рыбном промысле. Богатство в выборе рыбного трофея явно «вскружило» голову мишке. Он крутился на месте, временами опускаясь полностью с головой под воду (видимо, высматривал добычу покрупнее!) Иногда над поверхностью воды на мгновения появлялись его массивные лапы. Видя косолапого таким активным, всегда поражаешься, куда в таком случае девается медвежья неповоротливость? Можно было представить, сколько нерки кишело вокруг мишки. Уже потом на озере с лодки, подплыв на значительно близкое расстояние к «рыбачащим» медведям, было хорошо видно, как они привередливы в выборе добычи. Не абы какую нерку выловить, а ту, что покрупнее, и желательно с икрой. Медвежья рыбалка со стороны походила на какую-то игру. Медведь, выхватив на поверхность краснопинную нерку, тотчас её отпускал и вновь выуживал из воды новую добычу. В приглянувшуюся

по «качеству» нерку мишка мгновенно вцеплялся зубами и вытаскивал на берег. И этот одинокий мишка явно не спешил с выбором добычи!

Берег Курильского озера «отвоёван» у человека медведями. Подойти просто так к кромке воды посетителям запрещено. Действует строгое правило: «Медведь тут хозяин и рыба его!»

Примечая на берегу озера «мохнатые» цветки дикого ириса и конечно же кусты вездесущего борщевика. Вообще, ирисовые поля на Камчатке — это чудо! На пути к Тихому океану, мне уже на пике камчатского лета удалось ещё застать это цветущее ирисовое раздолье. Ощущение такое, словно голубое небо пролилось на луг, застыв на нём в нежно-голубых каплях. Что же бывает тут в самую пору цветения ирисов?!

Быть на Курильском озере и не пройти по его водам — дело весьма непростительное. На Камчатке, после Кроноцкого, Курильское озеро второе по величине. Над его созданием поработали вулканы много тысяч лет тому назад. Из-

Государственный природный заповедник федерального значения Южно-Камчатский

Камчатский вулкан

вержение было настолько сильным, что от мощи взрывов произошёл разлом и опускание земной коры. Шутка ли: 316 метров глубина этого камчатского озера. Потоки лавы были настолько сильны, что, застывая, они образовывали огромные купола, ставшие впоследствии островами. Архипелаг Саманг, острова Сердце Алаида, Низкий и Чаячий, разбросанные по озеру, — это всё детища не-

виданной силы вулканического извержения.

Чтобы посмотреть медвежью рыбалку, как говорится, в «деталях», устремляемся в бухту Северную. Наш катер на быстром ходу, разрезая волну и поднимая за собой водяную пыль, огибает береговой мыс, с причудливым названием Пуломынк. Справа остаётся архипелаг Саманг.

Чем дальше продвигаем-ся вглубь озера, тем боль-

ше впечатляет его простор. Мысленно ощущаешь, что под тобой огромная бездна в несколько сотен метров. Солнечные блики играют на крупной морской волне.

Бухта Северная открывается внезапно, как только наш катер, взяв руль влево, «заглянул» за береговой мыс. Вулканы Ильинский, горный хребет Дикий гребень, Камбальный как на ладони. Затаённая береговая полоса озёрной бухты, плотно поросшая ивняком, камчатской берёзой, рябинами, высоченным борщевиком. Местами тень от прибрежной растительности достигает самой воды. Стаи чаек, докучающих медвежьей трапезе, подбирающие остатки со «стола» косолапых как с берега, так и с воды. Вся береговая линия «кричит» от сотен этих шумных птиц, возведённых человеком в эталон чистоты.

Ещё издалека замечаю несколько медведей. Все при своих делах. Кто прохаживается по берегу, кто выясняет отношения, забравшись по «грудь» в воду, а кто занят исключительно рыбалкой. На наш подъезжающий катер реагируют все по-разному: кто спешит удалиться, а кто, лишь слегка отложив трапезу, не выпуская из лап недоеденный кусок, внимательно посматривает на незваных гостей.

Наш катер, сбросив обороты, «зависает», покачиваясь на волнах. До медведей чуть больше двух десятков метров. Стараемся вести себя «прилежно». Прибрежная вода напичкана неркой. Красные спины тут и там. Временами кажется, что у берега под водой потоплено неслыханное количе-

Бурый медведь вышел к воде

ство кусочков красной материи, которые перебирает течение.

Один косолапый, поднявшись по пояс в воде, сделал несколько шагов в нашу сторону, но, резко осев в воду, принялся вновь усердно рыбачить. Через несколько минут у него в лапах уже была огромная нерка. Медведь одним укусом отмахнул половину рыбины и, довольный, принялся жевать, поглядывая на нас, как мне уже показалось, совсем отрешённо умалаясь вкусом свежей красной рыбы.

Пара медведей, рыбачившая прямо у берега, вдруг ни с того ни с сего взялась выяснять между собой отношения. Уже через несколько секунд объятий в ход пошли и когти и зубы. Ничего не поделаешь, за рыбную территорию тоже следует постоять! Хорошо, что рыбы для всех в достатке, а то дело и до серьёзных могло бы дойти.

Среди медведей явно выделялись «хозяева положения» — огромные особи, и медведи поменьше, уступавшие во всём первым. Но и тем и другим хватало места в рыбном «хозяйстве».

Один медведь выделялся особо: крупный в холке, с короткой шеей, походивший чем-то на огромного вепря, он не терпел присутствия других медведей возле себя. Едва зайдя в воду и видя приближение другого медведя, он сразу принимался его отгонять. С каким-то особо настороженным видом он поглядывал и на наш катер, явно проявляя к нам особый интерес. Чтобы не тревожить этого медведя, мы отплыли немного в сторону.

Одни медведи, нарыбачившись, уходили в прибреж-

Камчатское купание

ный лес и им, словно на смену, появлялись другие, ещё совсем сухие, не «видевшие» воды косолапые.

За криком многочисленных чаек, накатов озёрного прибоя, стука волн о борта нашего катера чётко улавливаются всплески большой рыбы. Даже многочисленные шумы полдня не могли их заглушить. Красные спины нерок то и дело показывались над бирюзовой водой.

Медведи, уставшие от назойливых пернатых попрошайек, начинали их разгонять. Десятки особей, с резким, пронзительным криком, таким, что уши закладывает, разом поднимались на крыло, создавая над берегом хаос. Но вот медведь отходит, и вся колония чаек вновь опускается на берег. И так может повторяться очень часто.

Вот медведь, самый ближний от катера, поймал нерку. Обхватив рыбину обеими лапами, прижав её к груди, накрепко вцепился в неё зубами. Понятно — главное рыбу удержать! Не единожды попав косолапо-

му по морде хвостом, нерка в конце концов затихает. Медведь с добычей выходит на берег и принимается трапезничать. Проходящие мимо два медведя словно не замечают своего «коллегу» за обедом. И тот в свою очередь, ноль внимания!

Отъезжаем от берега под пристальные взгляды нескольких медведей, словно недовольных тем, что мы их покидаем. Тревожные крики чаек — и катер берёт направление к кордону Южно-Камчатского заказника. Бухта Северная остаётся позади. И снова простор Курильского озера во всей красе.

Гармония человека и природы, наверное, как нигде прослеживается здесь, на Курильском озере. Медведи, давно осознавшие, что человек не несёт им зла, привыкли видеть его на близком расстоянии, «разделяя» с ним и сушу и воду. И здесь, на Камчатском озере, ощущаешь, что существование человека и дикой природы вполне реально. Вот только нужно к этому стремиться!

ДОБРАЯ БАБУШКА

Жила старенькая белка, и были у нее внуки, внучки — бельчата. Все приходили к ней, и она угощала их гостинцами, сладкими орешками, а они просили:

— Бабушка, дай! Дай нам больше орешков!

И вот как-то раз они все орешки, приготовленные к зиме, сгрызли и, увидев, что их больше нет, убежали. Заметил это маленький медвежонок, жил он неподалеку и был очень воспитанный, всегда помогал своей маме во всем: берлогу чинил, грибы собирал, за ягодами ходил. Он очень расстроился плохим поведением бельчат и приволок большую ветку с орехами к дуплу бабушки.

— Вот вам к зиме, — сказал он. — Ешьте на здоровье!

— Спасибо, Миша, ты очень добрый. Теперь мне надолго их хватит, — поблагодарила она.

А внучата-бельчата, как увидели, что у бабушки по-

явились сочные орешки, прибежали и закричали:

— Бабушка, дай! Дай нам орешков!

— Угощайтесь! — говорит она. — Мне не жалко.

Они враз всю ветку с орешками опустошили. Медвежонок рассердился, прогнал всех бельчат, приговаривая:

— Как вам не стыдно, сами хотя бы один орешек принесли.

На следующий день к бабушке примчались вну-

ки и внучки, и в лапках у всех было по орешку.

— Бабушка! — весело шумели они. — Мы тебе принесли гостинцев взамен тех, что съели. — И большая гора орешков выросла возле нее.

Миша удивился такой выручке и дружбе в бельчьей семье. А бабушка говорит:

— Как много у меня гостинцев! Угощайтесь все, и ты, Миша, не отказывайся!

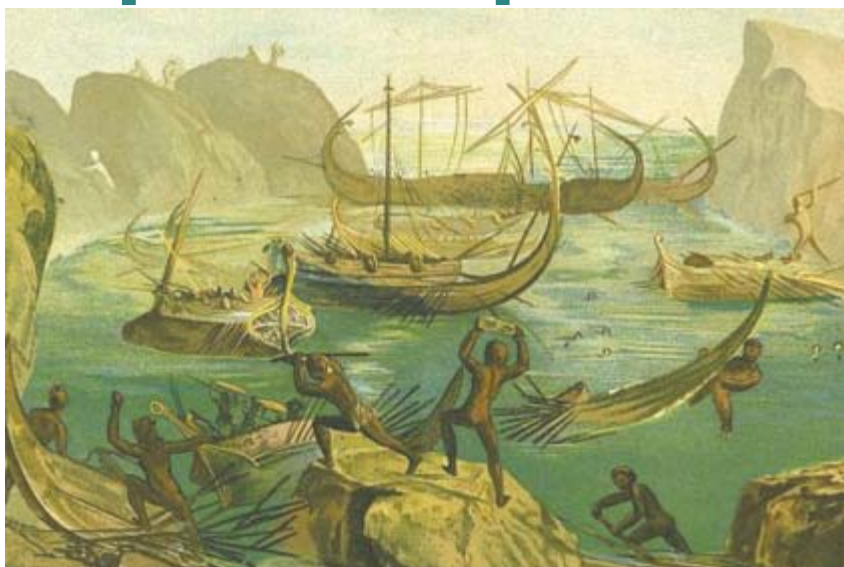
Берег листригонов

Сергей Иванов

Когда закончилась Троянская война, победители-греки нагроузили трюмы своих кораблей добычей и отправились домой. Но не всем удалось добраться до родных берегов. Кого-то погубил шторм, кого-то — морские разбойники, а некоторым дорогу домой преградила воля богов.

Самый долгий путь домой выпал хитроумному царю Одиссею — тому самому, который перехитрил троянцев и подсунул им деревянного коня. По совету Одиссея греки сделали вид, будто уплывают от стен непокорившейся крепости и оставили у ворот статую коня, внутри которой прятались воины. Наивные троянцы втащили статую в город, и ночью греческий отряд вышел из деревянной лошади, перерезал стражу и открыл ворота армии греков.

Одиссею и его товарищам досталась богатая добыча. Его флот поднял паруса... но вместо берегов Греции вскоре очутился в незнакомых краях. Еще никто из греков не бывал здесь. По воле богов корабли Одиссея унесло далеко на север, и теперь им предстояло долгое возвращение. Но, чтобы продолжить путь, моряки должны были пополнить запасы пресной воды и пищи, а для этого требовалось пристать к берегу. Однако нет ничего опаснее, как подходить к скалистому берегу в незнакомом месте — легко сесть на мель или пропороть дни-

Великаны-людоеды встречают греческие корабли камнями

Прибытие в страну листригонов.
Деталь росписи из дома на Эсквилинском холме в Риме

Балаклавские листригоны

ще корабля. Хорошо, что местные жители, увидев большой флот, не испугались и зажгли на вершинах прибрежных скал огни. «Наверное, они показывают вход в бухту», — решил Одиссей и приказал своим капитанам провести суда между огней. И действительно, совершенно неожиданно там, где, казалось, сплошной стеной стоял берег, открылась узкая и глубокая бухта, почти незаметная с моря. Корабли вошли в нее. Но оказалось, что местные жители — это страшные людоеды, великаны-листригоны. Только один греческий корабль сумел покинуть бухту: остальные были разрушены камнями, которые листригоны бросали с береговых скал. Листригоны нарочно заманили мореплавателей ночными огнями, чтобы убить их и съесть.

Примерно такую историю можно прочесть в знаменитом эпосе «Одиссея». Сейчас большинство исследователей считают, что действие этого эпизода «Одиссеи» происходит в нынешней Балаклавской бухте неподалеку от Севастополя, а под именем листригонов описаны аборигены Крымских гор — тавры.

Древнегреческие историки писали, что тавры были жестоким и сильным народом, который поклонялся некой «богине Деве». Богиня эта постоянно требовала себе жертвоприношений. И тавры охотились за чужеземцами — ведь именно их приносили в жертву.

Чтобы привлечь корабли иностранных мореплавателей, тавры зажигали по ночам на берегу костры. Приняв эти огни за указание места для причала, караваны

Балаклава. Крым. Открытка

купеческих судов устремлялись к берегу и попадали в руки тавров.

Но такой случайной добычи богине кровожадной Деве было недостаточно. И тавры стали отправляться за пленниками не только на берег, но и в море. Пиратство сделалось едва ли не основным их занятием. Корабли тавров держали в страхе все Черное море, и грекам, которые имели здесь свои экономические интересы, приходилось устраивать специальные военные экспедиции для отлова таврических пиратов. Особого успеха эти экспедиции не имели, и только римскому флоту гораздо позднее удалось навести на Черном море относительный порядок.

Однако тавры были необычными пиратами. Нормальные корсары охотятся за богатством — драгоценностями, золотом, красивыми товарами. Но в захоронениях древних тавров не найдено ни одной греческой вещи, ни одной похищенной драгоценности. Похоже, все товары, которые попадались им на греческих судах, тавры выбрасывали в море. Единственной целью черноморских пиратов были плен-

ники, которых они не превращали в рабов, как это делали греки, а отдавали в жертву Деве.

Вот и хитроумный Одиссей едва не стал очередной добычей богини Девы. Он успел вовремя улизнуть, но почти все его товарищи погибли от камней листригонов. А тех, кто не погиб сразу и был пленен, ожидала ещё более страшная смерть под ножом жрецов — вернее, жриц — богини Девы.

Побоище, которое устроили листригоны над флотом Одиссея — это первое известное Балаклавское сражение. Первое — но не единственное. Таково положение Балаклавы, что за нее раз за разом шли бои. Ведь Балаклавская бухта уникальна — она небольшая по площади, но очень глубокая, и может принимать океанские корабли. К тому же она очень хорошо замаскирована самой природой, и заметить вход в нее с моря нелегко. Не случайно генуэзцы построили здесь свою крепость, от которой сохранилось сейчас несколько башен и фрагменты стены. До генуэзцев Балаклаву контролировали римляне, по-

Балаклава. Современная бухта

сле них — татары и турки, а на смену туркам пришла Российская империя.

Приход русских на берега Черного моря был таким мощным и стремительным, что испугались не только турки, которые раньше были полными хозяевами побережья, но и англичане.

Казалось бы, какое дело англичанам до Крыма и Черного моря? Их страна находится очень далеко отсюда. Но англичане очень боялись конкуренции: со времен королевы Елизаветы они считались властелинами земных морей. Их флот всегда был самым могучим и

держал в страхе и далекие южные берега, и близкое Средиземноморье. Именно английский флот соединял воедино части английской империи, разбросанные по всему миру, и охранял эти водные пути. Флот перевозил большую часть товаров, которыми торговали купцы всего мира, и Англия получала с этой торговли большой доход.

Уже создание Петром Первым русского флота на Балтике раздражало англичан. Но Балтийское море замерзало, и большую часть года флот бездействовал. Зато новые базы на Черном море по-

зволяли содержать большие эскадры, которые за несколько дней могли выйти из Черного в Средиземное море и вытеснить оттуда флот англичан. И англичане только ждали повода, чтобы попытаться изгнать русских с черноморских берегов.

Повод появился, когда русский царь Николай Первый объявил очередную войну Турции и начал с сокрушительного разгрома её флота. В Синопском сражении русская эскадра под управлением адмирала Нахимова уничтожила почти все турецкие корабли. Сухопутные сражения тоже про-

Крымская война 1853–1856 гг.

ходили в нашу пользу. Перед русской армией открывалась прямая дорога на столицу Турции Стамбул, который некогда назывался Константинополем и был столицей всего христианского мира. С его освобождением от турок Россия получила бы не только первенство среди христиан, но и контроль над проливами, соединяющими Черное и Средиземное моря. Англичан такие успехи русских не устраивали. И они объявили, что берут Турцию под свою защиту. Вместе с англичанами войну России объявили Франция и итальянское королевство Сардиния.

Войска наших противников высадились в Евпатории, а затем и в Балаклаве и начали осаду Севастополя. Русские войска в основном вели оборонительные бои. Лишь однажды они предприняли наступление и попытались выбить англичан с союзниками из Балаклавы. Если бы это им удалось, враги уже не могли бы получать морем продукты и боеприпасы и вынуждены были отступить от Севастополя. Ведь другой удобной бухты, кроме Балаклавской, в распоряжении наших против-

ников не было и транспортным кораблям некуда было заходить.

Эта битва, в которой не оказалось победителя, знаменита полным разгромом британской легкой кавалерии. После первого русского натиска, когда наша армия изгнала турецких солдат из редутов и забрала их пушки, главнокомандующий англичан лорд Реглан рассвирепел. Он потребовал, чтобы его солдаты вернули утраченные орудия. И англичане предприняли атаку на наши позиции. Для наступления у них имелись лишь части легкой кавалерии.

Поскольку южный берег Крыма — это горы, наступление кавалерии могло развиваться только в долине между Сапун-горой и Федюхиными высотами. Англичане храбро бросились на нашу армию... и были расстреляны с флангов русскими артиллеристами, которые занимали удобные позиции на возвышенностях. С тех пор оборот «атака легкой кавалерийской бригады» означает в английском языке героическое, но бессмысленное дело.

Цель нашей атаки — изгнание врагов из Балакла-

вы — достигнута не была. До самого конца Крымской войны англичане с союзниками оставались в Балаклаве, где успели построить набережную и провести железную дорогу (правда, покидая Крым, англичане увезли рельсы и шпалы с собой). Но и противник понес такое тяжелое поражение, что уже не мог взять штурмом Севастополь и приступил к долгой осаде.

Военная история Балаклавы отпечаталась даже в языке. По сей день мы называем закрывающие лицо вязаные маски «балаклавами». Слово это появилось как раз в годы Крымской войны, когда английские и французские солдаты, страдающие от зимних крымских холодов, натягивали на лицо вязаные шапки с прорезями для глаз. Крымской войне обязаны мы и названию рукава «реглан». Такие рукава были на одежде лорда Реглана, однорукого главнокомандующего англичан, и предохраняли его от дождя.

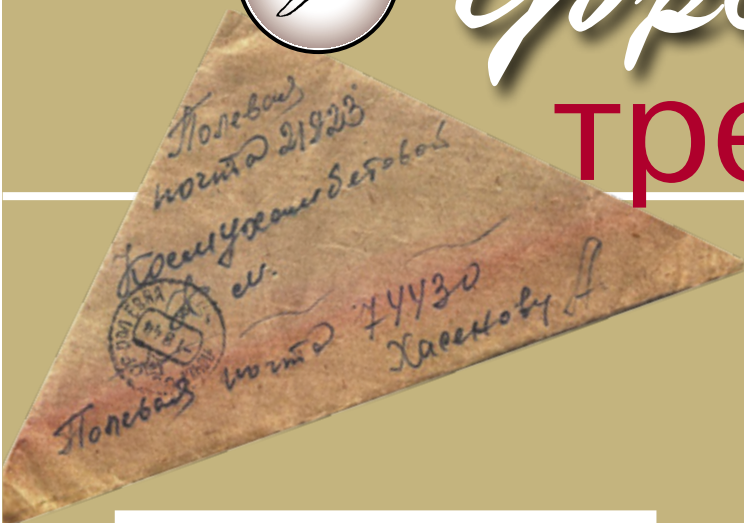
Лорд Реглан умер под Севастополем от холеры 28 июня 1855 года. В отличие от хитроумного Одиссея, он не догадался вовремя отступить.

Листригоны

Фронтальной Треугольник

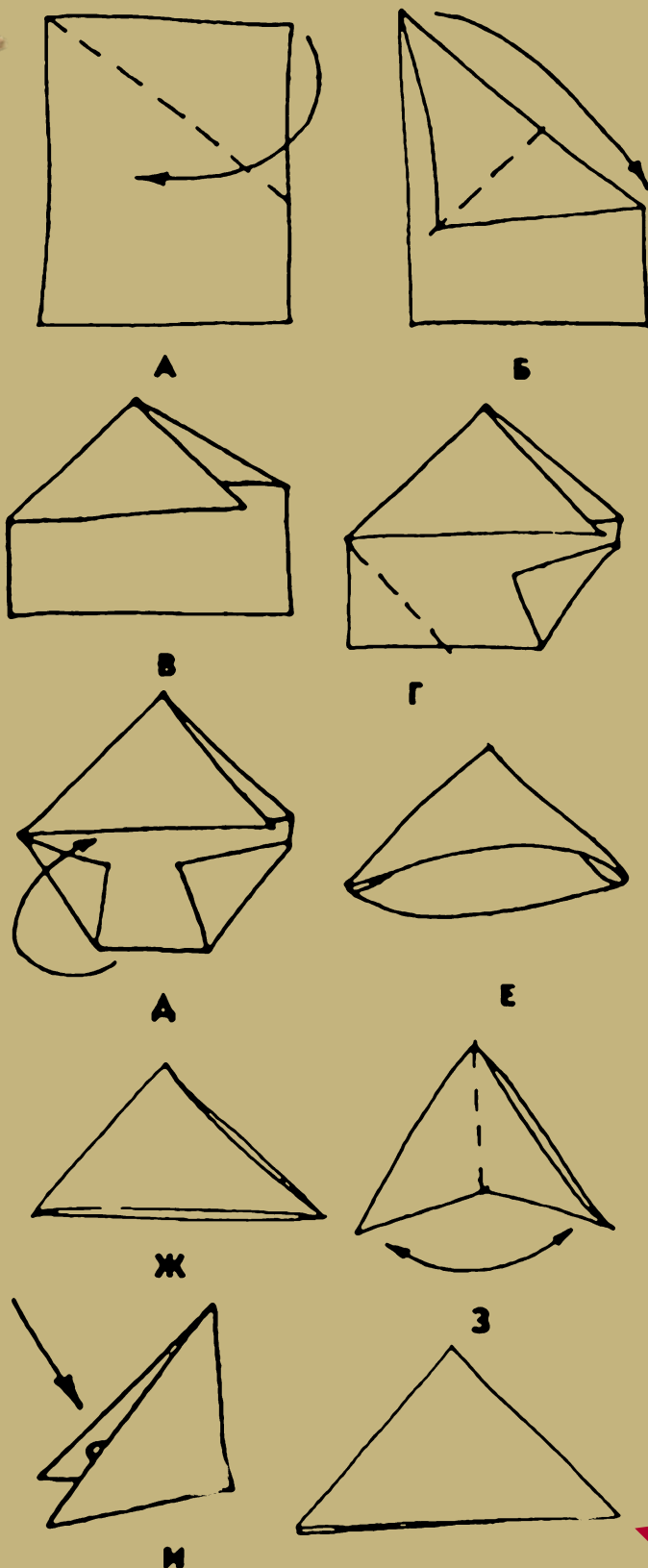

В годы войны сложить листок «фронтальным треугольником» умел каждый. Такое письмо — и конверт, и почтовая марка одновременно. Запечатывать письмо было лишним трудом: каждое из них проходило цензуру. Адрес писался на лицевой стороне «треугольника».

Сколько радости и счастья было в таком письме для солдата на фронте! Это — привет из далекого тыла, весточка, что семья жива. И ответные письма — с фронта — матери и жены ждали как самую большую радость.

Напишите поздравление с Праздником Победы своим близким. Сложите «фронтальным треугольником». Пусть это поздравление будет данью памяти маленькому военному письму...

Для треугольника нужен обычный тетрадный листок или прямоугольный лист бумаги. Загибаем лист бумаги справа налево, потом слева направо, формируя фигуру, похожую на домик. Теперь нижнюю часть бумаги, что под «крышей» домика, вставить как клапан внутрь треугольника.

Интернет

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

ЧТО ЭТО ТАКОЕ

Есть такая китайская поговорка: «Рыбы не знают, что живут в воде». Мы не замечаем, как часто нам бывает нужен интернет, но стоит извлечь нас из этого океана информации, как мы сразу заметим, сколько мы потеряли. Откуда узнать расписание фильма? Где общаться с друзьями? Где слушать новую музыку и смотреть видеоклипы? И это ещё не все. Помимо «ВКонтакте», «Яндекса» и «Гугла», которые вы, конечно, отлично знаете, есть и другая, невидимая сторона интернета. Ведь, строго говоря, то, что мы видим, открывая наш любимый браузер, это не интернет, а «Веб» или «всемирная паутина» — визуальная вершина целого айсберга технологий.

Там, в глубине, работают тысячи профессионалов и специальных программ, с которыми не сталкивается обычный человек. Незаметно для нас они дирижируют множеством систем,

которые обеспечивают инфраструктуру нашей цивилизации. Именно они управляют движением поездов и финансовыми потоками, позволяют вызвать такси и связывают Международную космическую станцию с Землей. Чтобы рассказать о всех этих системах, не хватило бы и трех таких статей, как эта.

Первый прототип интернета, как и многие другие компьютерные технологии, был изобретен в США. В 1969 году первые два узла обменялись сообщениями, а уже в 1973 сеть стала международной, к ней через подводный кабель были подключены организации из Англии и Норвегии. Эта сеть связывала научные институты, университеты и крупные организации. В то время персональных компьютеров было очень мало. По ARPANET передавали научную информацию в виде текста и данных. Кроме того, активно использовалась

электронная почта (с 1971 года), тогда же появились первые сервисы: почтовые рассылки, новостные группы и доски объявлений.

Сеть активно развивалась, менялись технологии передачи данных и протоколы. В 1983 году сеть ARPANET перешла с протокола NCP на TCP/IP, который успешно применяется до сих пор. Через год ARPANET, состоящая из нескольких тысяч узлов, влилась в другую компьютерную сеть и за объединенной сетью закрепилось название «интернет». Веб пока ещё не был придуман.

Университетская и научная среда всегда богата инновациями. Тим Бернерс-Ли, программист и ученый из Европейского центра ядерных исследований, заинтересовался идеей гипертекста — документа или набора документов, которые связаны между собой ссылками. Это понятие было придума-

но задолго до него, а заслугой Бернерса-Ли стали две важные идеи: язык визуальной разметки, который превратил текстовую среду интернета в графическую, и односторонняя ссылка. В других проектах гипертекстовых информационных сред предполагалось, что ссылка из документа обязана указывать на существующий документ. Однако это настолько усложнило их реализацию, что эти проекты так и не были завершены. Победила идея World Wide Web или «Всемирная паутина».

Всемирная паутина основана на трех технологиях: Uniform Resource Locator (URL), HyperText Markup Language (HTML) и HyperText Transfer Protocol (HTTP). URL определяет способ, который позволяет однозначно указать на любой файл, будь он текстовый, гипертекстовый документ, картинка или что-то другое. Например, <http://www.yandex.ru> это URL, соответствующий поисковой системе Яндекс. Язык гипертекстовой разметки HTML описывает особый формат данных, который браузер превращает в красивый документ с ссылками, картинками, таблицами и другими графическими элементами. Наконец протокол передачи гипертекста HTTP позволяет передать этот документ.

В 1991 году Тим Бернерс-Ли закончил свой проект. В него вошли: первый сервер, первый браузер и первый редактор для языка HTML, который позволял

Тим Бернерс-Ли — изобретатель «Всемирной паутины»

самому создавать сайты. Затем Тим разместил все это, а также инструкции по установке веб-сервера и использованию браузера, на первом в мире сайте.

Так Сеть начала покорять мир. В 1991 году в интернете было всего десяток сайтов, а в 2012-м — уже больше 600 миллионов. В наши дни интернетом пользуется больше половины жителей всей Земли. Интернет удивительно быстро вписался в нашу жизнь. Можно сказать, что люди стали свидетелями открытия, сравнимого с изобретением книгопечатания. Интернет упростил работу с информацией и сделал её доступной так же, как издание книг сделало доступными знания.

За это время интернет преобразился несколько раз. До 2000 года создание сайтов требовало специальных знаний и опыта, однако же появление

Википедии и других технологий сделало это умение доступным для всех. В 2004 году появились социальные сети и мир изменился ещё раз. В 2005-м был основан самый большой видеосервис и третий во всем мире по популярности сайт — YouTube.

Сейчас большая часть содержимого интернета создается любителями — любой человек в мире, будь он мексиканским рабочим, австралийским школьником или девушкой из Тайваня может внести что-то свое. Интернет предлагает безграничные возможности для самовыражения. Можно фотографировать, писать статьи для Википедии, снять видео и показать его всему миру, сконструировать робота, найти человека, который увлечен тем же, что и ты. Интернет меняется каждый год, в числе прочих его меняем я и ты, читающий эти строки.

Московский офис «Яндекса»

Сергей Брин и Ларри Пейдж — основатели «Гугла»

Здравствуйте, уважаемая редакция детской «Роман-газеты»!

Меня зовут Екатерина Грановская, мне 16 лет, я живу в Москве и учусь в ГБОУ СОШ «На Язуе». В будущем я мечтаю стать журналистом. Я обучаюсь в Школе Юного Журналиста при МГУ им. Ломоносова и являюсь призёром регионального тура Всероссийской олимпиады школьников по литературе. Я очень люблю путешествовать и писать статьи на разнообразные темы.

Картина И. К. Айвазовского «Наполеон на острове Святой Елены»

Иван Константинович Айвазовский, художник-маринист, родился в 1817 году. Море сопутствовало ему с самого детства, поскольку Айвазовский родился в городе Феодосия в Крыму. За всю свою жизнь художник оставил наследие из более 6000 картин. На большинстве из них изображено море (Айвазовский не уставал его писать, ведь море — это стихия, живая, постоянно меняющаяся). В списке творений художника есть также картины с батальными сценами, портреты и картины на библейские темы. Самая известная картина Айвазовского, безусловно, «Девятый вал». Она хранится в Санкт-Петербурге, в Государственном Русском музее, и включена в книгу «100 великих картин». Но в небольшом музее Айвазовского в его родном городе можно найти не менее впечатляющие и масштабные картины. Одна из таких картин — это «Наполеон на острове Святой Елены».

Картина «Наполеон на острове Святой Елены» была написана в 1897 году, когда исполнилось 85 лет бесславному походу Наполеона на Россию. Свою картину Айвазовский посвятил этой дате. «Наполеон на острове Святой Елены» поражает с первого взгляда. Размер картины — два метра в высоту и три в длину. При этом картина висит, чуть наклонившись на зрителей верхним краем тяжёлой рамы цвета бронзы. От этого создаётся ощущение погружения в картину, когда подходишь к ней. Кажет-

ся, сделаешь ещё шаг, и тебя окатят ледяные брызги, а в лицо подует солёный ветер.

Одно из главных качеств настоящего художника-мариниста — это умение показать жизнь моря во всем многообразии его настроений, во всех его движениях и мимолётных изменениях. И Айвазовский был непревзойдённым мастером в этом. Он писал картину «Наполеон на острове Святой Елены», делая широкие, лёгкие мазки, свободные, как само море. На его картине сошлись «лёд и пламень»: огненные цвета заходящего солнца и холодные оттенки морских волн. Художник мастерски показал плавные переходы естественных цветов моря. Ни в одном уголке картины море не имеет схожих оттенков. Где-то виден светло-бирюзовый гребень волны с белой шапкой пены на вершине, где-то видна насыщенно-синяя гладь, где-то море становится темно-зелёным или сине-фиолетовым. Все цветовые акценты и переходы помогают понять саму стихию и всю суть картины.

Солнце стоит низко над морем. В небе беспокойно кружат чайки. Разбушевавшиеся волны яростно разбиваются об отвесную скалу. На её вершине — фигура человека. И хотя Айвазовский не прорисовал детали его лица и одежды, можно было бы, не читая названия картины, догадаться, кто этот человек. На картине изображён Наполеон, отправленный доживать свой век на остров Святой Елены. Он стоит в своей коронной позе, и в этой гордой позе весь его характер. Над Наполеоном небо чернеет, сгущаются тучи. Прошло время его завоеваний и побед. Он смотрит на бесконечную даль моря, за которой остались все его мечты о величии и власти. Фигура Наполеона занимает не центральное место в композиции картины, наоборот, художник изображает её в самом углу. А главную роль на картине играет море. Огромные волны бьются о высокую скалу, на которой стоит Наполеон, и рассыпаются высоким столбом брызг, как бы желая оградить полководца от внешнего мира. По сравнению с волнами Наполеон кажется игрушечным солдатиком. Скорее всего, на картине изображен закат, и заходит не только небесное светило, но и солнце самого императора Наполеона. И тут понимаешь: как бы велик ни был человек, сколько бы стран ни завоевал, сколько бы силы и власти ни имел, он — ничто перед могучей, свободной и вечной стихией.

Таким образом, глядя на картину Ивана Константиновича Айвазовского «Наполеон на острове Святой Елены», можно полностью в неё погрузиться, увидеть необыкновенную жизнь и краски моря, а также понять вечность и непоколебимость природы и ничтожность человека перед ней.

Наш ВЕРНИСАЖ

1

5

2

Валерия Евсикова, 8 лет, Москва
1, 2, 6

Катерина Наймушина, 6 лет, Москва
3, 4, 5, 7

6

3

4

7

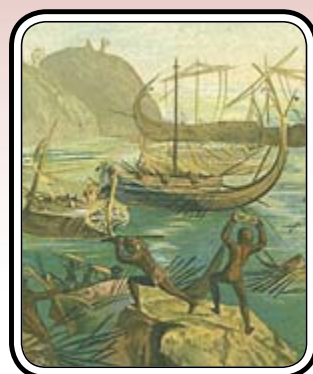
«Я писал его в суровые годы войны, писал непокорный гордый дух нашего народа, который «в судный час своего бытия» встал во весь свой гигантский рост».

П. Д. Корин

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Добрая бабушка

П. Корин. Александр Невский. 1942 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
Берег листригонов

РАССКАЗЫ:
Арбуз на крыше

УГОЛОК РОССИИ:
В царстве бурых медведей